

Воспоминания Галины Николаевны Пушковой – дочери Николая Васильевича.

Воспоминания всегда трудная вещь, но еще трудней вспоминать о человеке, который ушел из жизни, а для тебя он все еще с тобой, в твоей жизни, все эти 20 лет. Говоря об отце, трудно отделить его жизнь от ИЗМИРАНа и от нашей небольшой семьи. Практически я - «дитя института», он старше меня на какие-то 9 месяцев. Интересно, что все члены нашей семьи, живя и работая, провели половину жизни в его стенах.

Отец был незаурядным человеком, с сильным волевым характером, лидер по природе. В обычной жизни он был малоразговорчивым, скромным человеком, не любил говорить о себе. Только со слов мамы я знаю о его жизни до приезда в Пахру. Он был единственным ребенком в семье и хотя его отец и мать родом с Орловщины, детство отца прошло в Новороссийске, где его отец работал на строительстве железной дороги, а мать была домохозяйкой. До революции он получил только начальное образование и в молодости работал на виноградниках Абрау-Дюрсо, заработал чахотку, опрыскивая виноград. Товарищ спас ему жизнь, пристроив работать на пасеке в горах. Вернувшись в Новороссийск, отец стал одним из основателей комсомола. На районном комсомольском съезде он познакомился с мамой. В середине 20 годов они переехали в Москву, где отец поступил в МГУ, а мама закончила педагогический институт. С последнего курса университета отца направили в главную геофизическую обсерваторию в Павловске, которая в конце 30 годов его стараниями была преобразована в исследовательский институт.

С первых дней войны отец ушел на фронт добровольцем. В начале его послали в партизанский отряд на Валдае, а когда отец вернулся в Москву, отправили в Англию к профессору Чепмену изучать ионосферу. Его дорога в Лондон пролегла через Иран и Африку, а возвращался домой с одним из конвоев, перевозившим грузы Лендлиза в Мурманск. В конце войны основная часть института переехала в недостроенное здание астрономической обсерватории в 40 км от Москвы. Это место было выбрано из-за своей удаленности от железной дороги и больших предприятий, могущих повлиять на измерения магнитного поля. Смешное «двурогое» здание стояло недалеко от шоссе, отгороженное изгородью из орешника, к нему вела дорога с разбитыми колеями. На противоположной стороне шоссе располагалось несколько деревянных зданий районной больницы с водокачкой. Кругом были картофельные поля. Кроме этого дома были еще гараж и конюшня, принадлежавшие подсобному хозяйству, которое потом переселили куда-то.

Наша семья занимала две комнаты на первом этаже, а кабинет отца располагался на втором, над нами. Здесь мы прожили до 1952 года.

Тогда отцу было сорок лет. Он мечтал создать научный центр, не уступавший по своим масштабам институту Карнеги в США. Со временем у него в кабинете появился рисунок здания в

классическом стиле с колоннами по фронтому и двумя башнями телескопов. Вечерами отец развлекал меня, склеивая из бумаги макет будущего городка науки среди леса.

До 47 года он носил капитанские погоны, но, несмотря на форму, всегда имел гражданский вид, и его часто задерживали патрули то за неотданную честь, то за незастегнутый воротничок. Один раз его задержали надолго как шпиона. Он ждал попутной машины в Москву и, сидя на обочине, делал какие-то записи в тетради. Нашлись бдительные люди... Его демобилизовали в связи с «судом чести». Мама объясняла мне, что с него «снимут погоны и пересчитают ребра». В этот период он добивался рассекречивания трудов об ионосфере. Тяжелое время было для нашей семьи, но все кончилось демобилизацией отца.

Первые послевоенные годы было много бытовых трудностей. Но люди, приехавшие с отцом, не унывали, были все молодые, дружные, полные энтузиазма. Сообща боролись с разрухой и голодом, бытовой неустроенностью. Это был коллектив энтузиастов и единомышленников. Их было не много, но они верили и помогали отцу в меру своих возможностей. В первую весну посадили общественную картошку и капусту для столовой. Летом построили общественное овощехранилище (почти у всех старожилов есть эта фотография, после субботника все стоят веселые и усталые с лопатами), большой барак, где помещались стройконтора, столовая и общежитие для строителей. Развели частные огороды, по сотке на душу. После работы почти все собирались там. Отдыхали тоже все вместе. Когда появился транспорт, иногда ездили в театр. По праздникам собирались в большой комнате на втором этаже, перетаскивали туда наше пианино, пели и танцевали. В компании отец преображался. Он был чудесным рассказчиком, любил шутить. Летом по вечерам дружной компанией ходили на реку. Отец часто присоединялся к компании. Развлечением было ходить на почту в Ватутенки. Собиралась компания, шли по шоссе или вдоль елочек (Они тогда были ниже меня ростом), довольно часто ходил со всеми и отец. Работа на огородах была необходимостью и развлечением (даже часы работы переносили на час раньше). Отец к огородам относился серьезно. У него была масса литературы по выращиванию овощей. Своими знаниями он делился со всеми, так он внедрил в «общественное хозяйство» посадку картофеля глазками, оставшийся клубень можно было использовать в еду. Он сам сделал маме маленький парник для огурцов. Организованно по весне закупали цыплят на Птичном. Есть дома фотография – отец около клетки с цыплятами. Наши были лучше всех, так как кормили их по особому рациону, где-то прочитанному отцом. Большим подспорьем был лес, где не только гуляли, но и собирали грибы и ягоды. Тогда лес был почти нехоженный, грибов много, солили на всю зиму. Отец любил больше маринованные. В лесу отец отдыхал. Прогулки по лесу стали семейной традицией на все годы, как и варить в начале мая щавелевый суп. Щавель всегда собирали в березовой роще, где теперь кладбище. Основной маршрут был короткий к пруду и обратно,

иногда ходили к Киселевке или в сторону Пучкова через овраг (теперь на месте оврага Октябрьский проспект). Ярко стоит перед глазами путешествие ранней весной по оврагам, мы вышли почти к Птичному.

Часто отец брал меня с собой в прогулки по уже начавшейся институтской стройке. Мы обходили лесопилку, солнечные павильоны (смотрели пятна на солнце, иногда мне разрешали их обрисовать), заходили на метеостанцию осматривали прожектор, дождемер. Отец рассказывал о приборах простых и сложных. Объяснял, зачем нужны геофизические наблюдения для жизни людей. Было интересно, я любила эти прогулки. Отец расспрашивал меня о школе, приятелях. Учил меня кататься на велосипеде, прыгать через веревочку. А как я была рада, когда он ходил со мной на утренники для детей сотрудников в Троицкую школу или в «круглый» павильон в Магнитке.

Отец много курил. Мама вела неустанную борьбу с курением, просила не одалживать ему папирос, не курить в его присутствии. У меня собралась коллекция коробок «Казбека» и пачек «Беломора» с надписью «последняя». Он бросил курить только после инфаркта.

Отец был простым и доброжелательным человеком в общении с людьми. К нему часто обращались за помощью не только по работе. Он был альтруистом. Мама помнит случаи, когда он покупал краску для института на свою зарплату. Я помню, как у нас в 40 годы иногда появлялся странный человек по фамилии Гамон-Гамон - высокий, худой, всегда с фотоаппаратом. Мама говорила, что это ссыльный поселенец и отец придумал ему работу - регистрацию полярных сияний. Альбом с отретушированными фотографиями до сих пор храниться у нас в семье, так никем не востребованный. Единственное, что привез отец из Англии, были книги Чепмена и несколько номеров журнала "Geophysical Research" для институтской библиотеки. Их нет даже в Ленинке, а ему инкриминировали это как космополитизм во время суда. На его похороны пришел незнакомый никому человек, который говорил, что отец был единственным, кто заступился и спас его в 37 году.

Отец был верен идеалам своей комсомольской юности. Жил в нереальном мире добра, справедливости и равенства. Старался не выделяться среди других. Материальная сторона жизни, чины и награды его не интересовали. Наверное, по этому наша семья оставила главное здание последней, и мы долго жили вместе с семьей брата в 2-х комнатной квартире. Отец был доктором наук «хонорио казус». Оставил директорский пост в 68 лет, считая, что возраст и здоровье мешают его работе. Отец был обязательным, добросовестным и справедливым, требовал добросовестности и добропорядочности от других, вернее он считал, что все остальные люди обладают этими качествами. Не терпел лести и чиновочитания, фальши, старался избегать всяческих привилегий (Он, например, намного позже своих сотрудников узнал, что можно пользоваться книжным

академическим распределителем, хотя его сотрудники уже пользовались им). Не любил пользоваться служебной машиной. Только в редких, экстренных случаях разрешал маме ее брать. Не любил беспокоить других своими проблемами, но сам на чужие просьбы откликался быстро, не считаясь со своим временем. Я помню, как отец возился с двумя вьетнамцами Соном и Бьеном. Трудность их пребывания в институте состояла в том, что им негде было кормиться утром и вечером (столовая работала только днем, а другой в городке не было) и поэтому они завтракали и обедали у нас за наш счет. Маме даже пришлось покупать приличную посуду в Пахорском сельмаге, предварительно сдав в сельпо энное количество яиц. Приличной посуды у нас тогда не было, а позориться разрозненными чашками и тарелками мама не хотела. Вьетнамцы несколько месяцев жили в соседней квартире. «Наш» 12-квартирный дом был наполовину общежитием наполовину детским садом. Мама долгое время занималась дома с кубинцами, помогая им переводить описание ионосферной аппаратуры на испанский. На памяти участие отца в судьбе хирурга Павла Петровича Лалетина. Он высоко ценил его профессионализм. Помню, что он привозил ему из-за границы специальные хирургические иглы. Друзьям молодости он был верен. В 50-е годы он вел с ними переписку, и они изредка нас навещали. А в остальном, наша семья жила обособлено, хотя у всех на виду. К нам редко ходили гости, ни с кем из сослуживцев не дружили «домами». Отец редко ходил в гости сам. У меня и у мамы было много друзей. Меня никто не ограничивал в их выборе, но все старались не беспокоить отца. К маме подруги заходили чаще, когда отца не бывало дома.

Бытовые, житейские вопросы мало беспокоили отца. В вопросах еды и одежды он был неприхотлив. Экипировка отца – это была забота мамы. Большой проблемой было заставить его пойти в магазин за одеждой, чаще покупали на глаз без него. Все семейные проблемы решала мама. От семейного бюджета, заготовки дров, добывания продуктов, готовки, уборки до заботы о его здоровье. Он был с головой в своей работе. Правда, он выкраивал время для занятий со мной и внуками, но доходило до смешного. Так он как-то решил купить мне школьные учебники (тогда это было трудно) и ошибся классами. Когда у нас в доме появилась Света (жена брата), родителей не было дома. Мать была в санатории, а отец за границей. Первым вернулся отец, мы поехали его встречать втроем. И когда мама, по приезде спросила: «Почему он не уступил комнаты молодым», он ответил, что считал Свету моей подругой. Когда-то по институту ходил анекдот про отца, что, спеша на какое-то совещание, он стал под душ в новом костюме, чтобы он уменьшился в размере. Такого в нашей жизни не было. Дома ему приходилось иногда, в экстренных случаях, чинить сантехнику. Любимым способом было чинить все с помощью пластилина. В первые годы в 8-ми квартирном доме отец растапливал печки, забыв открыть заслонки в трубе. Это ему удавалось потому, что печь была сложена неправильно (дом строился первым и был народной стройкой). Мы

замерзали, в одном из углов комнаты была постоянная наледь, сожгли много дров, печь работала как «буржуйка». Летом ее перебрали. Долгое время обязанностью отца была «покупка» продуктов в Москве. Раз в неделю мама составляла список, и он передавал его своему шоферу Василию Николаевичу Суворову и тот закупал их, пока отец ходил по учреждениям. Когда я была поменьше, меня часто отправляли вместе с отцом в Москву, чтобы я «не болталась» без присмотра. И мы с Василием Николаевичем ждали его, коротая время разговорами «за жизнь». Отец любил покупать только книги и записные книжки, делал он это чаще всего за границей, привозил учебники и редкие книги. У нас была хорошая библиотека около 3000 томов, благодаря стараниям мамы. Когда я выросла, она все книги Вальтер Скотта, Жуль Верна и многое другое отдала в школьную библиотеку. В первую очередь она покупала всех сталинских лауреатов, обязательные для того времени тома Ленина и Сталина, решения съездов, правда, это им было надо т. к. они вели политзанятия. Много было подписной литературы, классики и почти все приложения к «Огоньку». Была у нас и «БСЭ», много словарей и энциклопедических словарей типа Оксфордского и Ляруса. Много было справочной литературы по разнообразным вопросам от медицины до огорода и цветоводства. Отец учил пользоваться справочниками меня и внуков. Сам написал несколько статей в «БСЭ». Он привозил много книг из заграницы, особенно английских книг. У нас были книги Флеминга, Агата Кристи, Пастернака, «красная» книга Мао Дзе Дуна, несколько антологий американских писателей, японских поэтов. Много было учебников: Эккерслея, английский для немцев, немецкий для французов, испанский для итальянцев. Отец пользовался этими языками почти свободно, мог читать, писал и разговаривал. На книжном шкафу у него висело расписание занятий языком по дням недели (несколько часов в день), которое он неукоснительно выполнял. У него был плохой сон, и он много работал по ночам. Когда у нас была двухкомнатная квартира, он делил комнату с братом. С 57 года у него была своя комната. Обстановка была довольно спартанской: кровать, двухтумбовый стол, на котором он пытался вырастить из желудя вечнозеленый дуб, деревянное рабочее кресло (на 75 лет ему подарили кресло на колесах), книжные шкафы и радиоприемник, мягкое кресло. У нас всегда был хороший радиоприемник. Самый первый (когда они были на учете) был немецкий трофейный, затем купили огромный «Фестиваль», к нему институтские умельцы приделали короткие волны. Чинил его всегда К. Васильев (приемник был клавишным, и клавиши часто выходили из строя). Еще в 40 годы начали собирать пластинки. У одного из приятелей брата были знакомые на Апрелевском заводе, и у нас было много пластинок тех времен: Вертинский, Утесов, Шульженко. Была и симфоническая музыка. Отец часто слушал «Итальянское каприччио» Чайковского. Когда подросла я, появился Бах, Бетховен, Сарасате. Сначала у нас был патефон. Обыкновенный и еще маленький железный, почти походный, со смешным звуком. Потом появилась приставка с новыми

скоростями. Долго выбирали ее, по совету моей приятельницы Люси Верновой, в ГУМе с пластинкой скрипичной музыки, чтобы звук не плыл. Отец любил отдыхать в кресле под приемником, слушая музыку, или читая. Он часто перечитывал Сервантеса и «Три мушкетера» Дюма.

Телевизор появился у нас довольно поздно. Родители хотели, чтобы я не отвлекалась от школьных занятий, но разрешали мне ходить в гости, "на телевизор". Такими местами были для меня дом Лещинских (Таня и Марина были моими детскими подружками) и комната Лизаветы Васильевны Курятниковой, моей самой любимой учительницы не только в школе, но еще долго после ее окончания. Телевизор купил брат, неожиданно продав нашу машину и гараж.

Родители мои жили дружно. Их объединяло очень много: комсомольская юность, одинаковые жизненные ценности, отношение к людям и работе. Мама была очень общественным человеком. Жизнь ее была нелегкой. Она была из многодетной семьи. Рано начала самостоятельную жизнь. Привыкла полагаться на саму себя и отца. В трудную пору была ему опорой и верным товарищем, не роптала на невзгоды, болезни. У нее всегда были сложности с работой. По специальности она работала только в Ленинграде, в институте Герцена, куда приходилось ездить на поезде из Павловска. Она готовилась защитить диссертацию, но началась война. Из Павловска мы уезжали за несколько часов до прихода немцев, взяв с собой документы, несколько фотографий. В блокадном Ленинграде она жила в герценовском общежитии, имея трех иждивенцев и одну трудовую карточку (тогда с нами жила мамина старшая сестра). Про отца никто ничего не знал, Было известно в райкоме партии, что из партизанского отряда он не возвратился, и поэтому нас не хотели вывозить из Ленинграда, как семью «врага народа». Маме помог В. Ю. Лещинский (он был тогда комиссаром института). Мы выбирались вместе с сотрудниками по уже таявшему льду Ладожского озера. В Вологде умерла сестра матери, а мы все попали в госпиталь. О скитаниях отца она узнала только после его возвращения. Трудности были и по приезде в Пахру. По началу не было даже необходимых вещей, мебель нам долгое время заменяли приборные ящики. Ближайшие магазины были в Пахре или на фабрике. Продукты по карточкам всем выдавал в институте завхоз Александр Моисеевич Вайс. А за хлебом ходили на фабрику, корочка его пахла керосином, но было трудно донести до дому его целым. Никаких удобств, готовили на керосинке. В Москву добирались на попутных машинах, (транспорт в институте появился позднее). Мама работала в библиотеке института, занималась с аспирантами английским языком, готовя их к кандидатскому экзамену, вела политкружок. Она ходила пешком в районную библиотеку в Пахру за художественной литературой для сотрудников. ИЗМИРАН она оставила в 52 году, когда началась борьба с семейственностью в госучреждениях. Ее примеру другие жены не последовали. Мама ушла в школу преподавать немецкий. Она работала в школе и

после выхода на пенсию. Оставила ее, когда у меня родился первый ребенок. Тогда она бросила все, отца и свой выпускной класс, который вела с пятого класса, примчалась помогать мне сдавать экзамены.

Отец очень любил семью и всех внуков. Первым был Максим. Его растили все, помогая Свете окончить институтский техникум. Трудно сказать, кого из внуков он выделял. Со всеми он с удовольствием проводил, когда удавалось, свободные часы, читая им книжки, занимаясь или просто гуляя. Он был внимательный и ровный со всеми нами. Считался с нами как со взрослыми людьми. Я не слышала от него никогда упреков и грубых слов не только в свой адрес, но и по отношению к другим. Он считал, что мы должны сами устраивать и нести ответственность за выбранный нами путь. Так он не воспользовался своими связями в МГУ, когда туда поступали брат и я. Брату пришлось первый год учиться на вечернем, т. к он считался из семьи служащих, а мне пришлось зарабатывать трудовой стаж.

К маме он относился очень трогательно. Один раз из поездки привез ей цветок азалии в горшке «контрабандой». Они были очень дружной парой. Я не помню ссор между ними.

Отец любил животных, особенно кошек. Долгое время у нас жил рыжий сибирский кот. Чтобы он мог точить когти, отец принес ему со стройки большую доску, хотя в результате ее использовали как гладильную. Он терпел всех моих многочисленных животных: кошек, полудиких собак, ужей и ежей, лис и кроликов, сорок и ворон. Он помогал маме выращивать цыплят. Куры у нас были особенные – шли на свист.

Последние годы он много болел, особенно когда оставил должность директора в 68 лет. У него был сильный варикоз, больное сердце, тремор рук. Но он продолжал каждый день сидеть за письменным столом, заниматься иностранными языками, мечтал написать книгу о развитии магнетизма в России. В последние годы мама сопровождала его в поездках на конференции и школы, они вместе стали ездить в санатории. У них всегда были трудности с поселением, т.к. они носили разные фамилии, а свидетельство о браке порвали еще в молодости – оно им было не нужно.

Родители тяжело перенесли гибель брата, отец прожил после его смерти всего полгода, а мама умерла в 1988. Отец умер от сердечного приступа на работе. Упал у дверей своего старого кабинета.

Я благодарна сотрудникам ИЗМИРАНа за оказанную помощь, дружескую поддержку в те трудные для меня дни. За оценку работы отца, за сохранение памяти о нем. После его смерти утекло уже немало воды, а мемориальная доска с его портретом висит на стенах ИЗМИРАН. И одна из улиц городка носит имя нашей семьи.